

Владимир Куковенко

Загадочная
история XI-го самозванца

18+

Владимир Куковенко

**Загадочная история
XI-го самозванца**

«ЛитРес: Самиздат»

2010

Куковенко В. И.

Загадочная история XI-го самозванца / В. И. Куковенко —
«ЛитРес: Самиздат», 2010

Читая документы, в которых сохранились сведения об этом загадочном и, несомненно, талантливом человеке, попадаешь в какой-то феерический, неестественно яркий мир странных происшествий, в котором, как в калейдоскопе, завораживающие исторические картины стремительно сменяют друг друга. Непостижимый вихрь событий, захватив однажды, неудержимо несет самозванца через города, страны, сталкивает его на краткий миг с монархами, вельможами, крупными историческими лицами. На пожелтевших ветхих страницах бушуют страсти, сплетаются интриги, подготавливаются драмы. В центре этих событий всегда находится XI-й самозванец...

Предисловие

XVII век, прозванный современниками «бунташный», начался для России необычайно тяжело: смуты, гражданское несогласие, польская и шведская интервенция, страшное разорение и запустение страны. Затем тот же век принес стране ряд изнурительных войн и, уходя к закату, потряс Россию кровавым Разинским бунтом. Закончилось же столетие тревожно и зловеще – Петр готовился к своим преобразовательным реформам и войнам, и Россия как бы замерла в страшном ожидании.

Это зыбкое и неустойчивое время породило на Руси массу людей – преступников, авантюристов, бродяг, изгоев общества – искавших достижения жизненного успеха под чужими именами. Начиная с Лжедмитрия I, они буквально наводнили страну, сея рознь, смущая нестойкие и незрелые умы, маня головокружительными обещаниями. Как правило, это были выходцы из низов тогдашнего русского общества, преступные отщепенцы, не отличавшиеся ни умом, ни трезвостью мышления, ни кругозором, ни иными достоинствами. Пожалуй, их единственным стремлением было на какое-то время иметь власть, успех и деньги, чтобы неистовей предаться разгулу. В исторических документах сохранились их имена. Это были: несколько Лжедмитриев, царевич Петр, царевич Илейка, царевич Фролка и т.д.

Особое место среди этих малоразвитых и, несомненно, уголовных типов занимает XI-й самозванец (по классификации русских историков XIX века). Это был человек незаурядный, щедро наделенный природой многими талантами, и судьба его не менее таинственна, чем судьба Лжедмитрий I. Недолгая жизнь его бурно прошла в бесконечных скитаниях по странам Европы. Звезда этого самозванца, таинственно и ярко сверкнув, стремительно закатилась и погасла среди бурь и потрясений XVII века.

Читая документы о нем, попадаешь в какой-то феерический, неестественно яркий мир странных происшествий, в котором, как в калейдоскопе, завораживающие исторические картины стремительно сменяют друг друга. Непостижимый вихрь событий, захватив однажды, неудержимо несет самозванца через города, страны, сталкивает его на краткий миг с монархами, вельможами, крупными историческими лицами. На пожелтевших ветхих страницах бушуют страсти, сплетаются интриги, подготавливаются драмы. В центре этих событий всегда находится

XI-й самозванец...

Кто же он был? Величайший забытый авантюрист XVII века? Интриган и возмутитель спокойствия во многих странах? А может быть, талантливый, лишенный предрассудков своего времени русский человек, спешащий рассмотреть окружающий мир и жизнь с ненасытным любопытством, свойственным пробуждающейся нации?

В грамотах, рассылаемых Посольским приказом во многие города Европы, в которых появлялся самозванец, он неизменно назывался «вором и изменником». Царь Михаил Федорович, а после него Алексей Михайлович, второй Романов на российском троне, прилагали немалые усилия к поимке и доставке в Москву этого самозванца.

Но, казалось, судьба с игривой снисходительностью покровительствует своему баловню. Он легко ускользал от многочисленных московских «узнавальщиков и поимщиков», остался в живых после плена, тюрьмы и гнева всемогущих вельмож... Но в какой-то миг судьба капризно отвернулась от него, и он кончил свою жизнь на плахе.

Несомненно, была в его жизни тайна, которая так и осталась нераскрытой, и которую он унес в лучший мир. Может быть, эта тайна была не столь значительна, чтобы ради нее подвергать его мучительным пыткам в застенке и обрекать на позорную смерть. Но он унес ее с собой, и нам остается только гадать, кто же он был на самом деле, этот таинственный *cont Sinensis* (1), он же князь Шуйский и он же Тимошка Акундинов, XI-й самозванный претендент на российский трон.

1. Московские акты и профессор Олеарий о самозванце

Несмотря на весьма примечательную судьбу Тимошки Акундинова, о нем написано мало, крайне противоречиво и крайне недоброжелательно. Если не обращать внимания на некоторые противоречия в изложении жизни Акундинова, то бросается в глаза полное единодушие авторов в неприязненном отношении к этому самозванцу. Они видят в нем лишь мелкого авантюриста с уголовным прошлым.

Талантливый русский историк и неутомимый исследователь европейских архивов, Е.Ф.Шмурло высказался об Акундинове энергично и с долей изрядного пренебрежения: «Комедиант едва ли не самой низкой пробы Тимошка Акундинов взявший на себя роль «сына» царя Василия Ивановича Шуйского: это настоящий балаганный Петрушка с короной из фольги и волосами из кудели, – базарное изделие топорной работы (2).

Но, после знакомства с многочисленными документами о Тимошке, с таким мнением едва ли можно согласиться. Акундинов был явлением незаурядным в отечественной истории, обладал редкими способностями, и в интеллектуальном отношении значительно превосходил всех без исключения русских самозванцев вместе взятых. Лжедмитрию I посвящены десятки книг, но он не обладал и четвертью способностей Акундинова, не говоря уж о последующих самозванцах, и в самом деле балаганных фигурах. Видимо, история распорядилась не совсем справедливо, выделяя одних и умалчивая о других.

Официальная версия о самозванце и его преступлениях, которой в течение нескольких лет придерживался Посольский приказ, отличалась сухостью и расплывчатостью формулировок. В качестве

примера приведу грамоту, направленную от царского имени в ноябре 1652 года шведской королеве Христине:

«Писали мы Великий Государь Наше Царское Величество с нашим царского Величества гонцом с Яковым Козловым к Вашему Королевиному Величеству о изменниках и ворах, о подъячих о Тимошке Анкидинове, да о Костке Конюхове, что они, покрадчи Нашу, Царского Величества многую казну и учиня многое воровство, збежали с Москвы от смертныя казни. И, убегая, меж государств всякую ссору чинили и имена себе перекладывали, и назывался он Тимошка Шуйским.

И были они в Цареграде, у Турского Салтана, и там он Тимошка бусурманился, завовав, ушел от смерти в Польшу и в Литву. И были в войске запорожском, у гетмана у Богдана Хмельницкого. И из Литвы тех воров, по указу Брата Нашего наиснейшего Великого Государя, Яна Казимира, Короля Полского и Великого Князя Литовского и иных, его Королевского Величества, велено, сыскав, прислати к нам, Великому Государю.

... и те воры ушли в Рим к папе и приняли в Риме папешскую веру, а из Риму бегали по иным Государствам и делали ссоры многие и объявились в Вашей Королевина Величества стороне» (3).

Адам Олеарий (Эльшлегер) серьезный ученый (математик, физик, историк, знаток восточных языков, поэт и философ), профессор Лейпцигского университета и посол Голштинского герцога в Москве, единственный иностранец, который весьма подробно рассказал историю Акундинова. Версия, с которой познакомил своих западноевропейских читателей Олеарий, мало отличалась от официальной, но полна интересных подробностей из жизни самозванца.

«О лже-Шуйском, иначе говоря Тимошке Анкудинове, его происхождении, действиях и гибели.

Был некий русский, который желал именоваться Iohannes Sinensis(4) – что, по его словам, по-сарматски переводится «Иван Шуйский». Бежав из-за некоторых преступлений из Москвы,

он выдавал себя в чужих странах за сына бывшего великого князя Василия Ивановича Шуйского. Нынешний великий князь Алексей Михайлович с большими затратами разыскал его; он был схвачен и в минувшем году в Москве его казнили.

Так как он в различных странах, частью лично, частью по слухам, был известен, и весьма многие, в том числе и высокие государи, не знали истинных обстоятельств о нем, и даже были о нем весьма различных и неправильных мнений, – я хочу вкратце рассказать всю истину о нем, как я ее достоверно узнал не только от русских, но и от немцев, живущих в Москве и хорошо с ним знакомых.

Истинное имя его – Тимошка Анкудинов. Родился он в городе Вологде, лежащем в области того же наименования, от простых, незнатных родителей. Отец его назывался Демкою или Дементием Анкудиновым и торговал холстом. Так как отец заметил в нем хорошие способности и выдающийся ум, то он дал ему возможность прилежно посещать школу, так что Тимошка скоро научился читать и красиво писать, и достиг, стало быть, высшей степени русской образованности, дальше которой они до сих пор не заходили. Помимо того у него оказался еще хороший голос для пения – он умел красиво исполнять церковные песнопения – и поэтому тогдашний архиепископ Вологодский и Великопермский, именем Нектарий, полюбил его, принял ко двору своему и поместил на церковную службу. Здесь он вел себя так хорошо, что архиепископ выдал за него замуж дочь своего сына, рожденного до принятия архиепископом духовного сана (5). Тут Тимошка загордился и иногда в письмах своих стал именовать себя внуком наместника Вологодского и Великопермского.

Промотав в беспорядочной жизни, после смерти архиепископа, имущество жены своей, он с женою и ребенком перешел в Москву,

где его принял бывший друг его по архиепископскому двору Иван Патрикеев, дьяк приказа «Новой четверти», и устроил писцом в том же приказе. И здесь он вел себя так хорошо, что ему поручили сбор и расходование денег; а заведовал приказ этими деньгами, получавшимися с великокняжеских кабаков и трактиров. Некоторое время он добросовестно исполнял свои обязанности, но, наконец, подружился со скверными товарищами, стал пьянствовать и играть, и при этом прибрал к рукам великокняжеские деньги.

Когда он увидел, что при предстоящем отчете (а отчет этот при Московском дворе требуют всегда наистрожайшим образом и всех подлежащих отчету держат в страхе) ему недостает ста рублей, он пустился во всякие хитрости и выдумки, чтобы пополнить украденные деньги. Между прочим, он отправился к писцу того же приказа Василию Григорьевичу Шпилькину, который был его кумом (что в Москве имеет большое значение) и неоднократно оказывал ему благодеяния, и говорит: «прибыл в Москву из Вологды знатный купец, добрый друг его; его он на завтрашний день пригласил к себе в гости: чтобы теперь нарядить свою жену более обыкновенного и вывести, как это принято, с чаркою водки, он просит своего кума и надежного друга одолжить ему своей жены жемчужный ворот и украшения, которые вскоре в полной сохранности будут возвращены ему на дом».

Шпилькин, не подозревая ничего дурного, охотно, без залога, исполнил его просьбу, хотя украшения и стоили дороже 1000 талеров. Тимошка, однако, не только забыл вернуть эти вещи, но даже, когда Шпилькин ему о возврате напомнил, стал отрицать получение с него чего-либо и требовал доказательств. Шпилькин призвал Тимошку к суду и, когда тот, тем не менее, стал отрицать, он настоял на заключении его в тюрьму. Но так, как обвиненного нельзя было уличить, его отпустили на поруки.

Тем временем он все-таки не мог вернуть похищенных денег. В это время и собственная жена Тимошки, с которою он жил не в ладах, стала сильно упрекать его как за это преступление, так и за мужеложество с мальчиками, в котором его часто заставляли, и Тимошка стал опасаться, как бы его жена, в конце-концов, не совершила полной исповеди, после чего истина и все его злодейства вышли бы наружу. Чтобы затушить это дело, он решил на еще большее

преступление: он взял сынка своего и привел его к доброму своему другу Ивану Пескову в Разбойном приказе, а сам ночью вернулся в свой дом, находившийся на Тверской, недалеко от двора шведского резидента, запер жену свою в комнате, поджег огонь и сжег свой дом, а в нем и жену. Затем он бежал в Польшу, так что долгое время не знали, жив ли он еще или сгорел вместе с домом. Это случилось осенью 1643 года.

Когда два года спустя, московские послы прибыли в Польшу, и стало известно, что там находится такого рода русский, а Тимошка стал опасаться, как бы о нем не стали спрашивать, то он в 1646 г. бежал оттуда к казацкому полководцу Хмельницкому, у которого жаловался, будто его преследуют за происхождение его из рода великих князей. Льстивыми речами он добился того, что стал Хмельницкому мил и любезен, и обращались с ним здесь хорошо.

Двумя годами позже царский посланник по имени Яков Козлов, по другому делу был прислан к Хмельницкому; он увидел здесь Тимошку, узнал его и стал в добрых словах уговаривать, чтобы он бросил беганье и вернулся опять в Москву: «ошибка с великокняжескими деньгами легко может быть прощена ему по заступничеству добрых друзей». В то время еще не знали, что он выдавал себя за сына великого князя Шуйского. Тимошка, однако, не захотел поверить другу, и так как нечистая совесть гнала его дальше, то он опять исчез и в 1648 г. бежал в Турцию, дал себя обрезать и принял магометанскую веру. Так как здесь из-за блудного дела, им совершенного, угрожала опасность его голове, он тайно бежал, отправился в Италию, в Рим, и здесь принял римско-католическую веру. Отсюда он направился в Австрию, в Вену, а затем в 1650 г. в Трансильванию или Семиградье к князю Ракоци. Этот последний его принял, поверил хитрым его уверениям, сильно пожалел его и, по убедительной его просьбе, отпустил с рекомендациею к другим государям. Отсюда направился он в Швецию, где правившая в то время королева Христина, ради рекомендательного письма князя Ракоци, оказала ему всяческую милость и отпустила от себя с хорошими подарками.

Тем временем русские купцы, находившиеся в Стокгольме, сообщили в Москву о прибытии в Стокгольм такого человека. Его царское величество велел немедленно же послать к ее королевскому величеству в Швецию писца Козлова с письмом такого содержания: «дошло до сведения его царского величества, что некий русский, к большому ущербу для его царского величества, именующий себя родным сыном царя Василия Ивановича Шуйского (не оставившего, однако, никакого мужского потомства) и называющего себя *Iohannes Sinensis*, явился в Стокгольм; поэтому желательно, что бы, ради соседственной дружбы, означенный лже-Шуйский был выдан этому их посланному».

Названный Шуйский, однако, еще до прибытия гонца, уже успел собраться в путь и уйти в Лифляндию. Оставшийся слуга его Костька, т.е. Константин, был здесь пойман, закован во многие цепи и отправлен в Москву. Тимошка, правда, был заключен под стражу в Ревеле по розыскному письму ее величества королевы Шведской, но вырвался на волю и бежал.

Тем временем мать Тимошки и все, кто были в доброй дружбе с беглецом, из простого подозрения в существовании заговора, были заключены в тюрьму, подверглись пытке, а иные и померли при этом.

Уйдя из Лифляндии, Тимошка отправился в Брабант и был, как он сам пишет, у эрцгерцога Леопольда. Отсюда направился он в Лейпциг и Виттенберг с поляком по имени Стефаном Липковским, принял здесь аугсбургское исповедание и причастился, как это видно из собственной его исповеди, писанной по латыни, снабженной его собственноручною подписью и печатью и по сию пору находящейся в означенном университете. Наконец он прибыл в Голштинию и явился в Нейштадт, где его поймал и заключил под стражу русский купец по имени Петр Микляев из Новгорода, также высланный с царскими розыскными грамотами к немецким князьям и монархам. Отсюда его, по приличествующей случаю просьбе, полученной от того же русского, и так же и со стороны знатного купца в Любеке, доставили в княжескую резиден-

цию Готторп и держали здесь до тех пор, пока от его царского величества не были отправлены специальные грамоты и гонцы к его княжеской светлости в Шлезвиг-Голштинию.

Его царское величество, ради этого Тимошки, разсылал время от времени к европейским королям, князьям и государям послов и гонцов и выхлопывал розыскные грамоты, чтобы беглец нигде не мог чувствовать себя в безопасности, но везде, где бы его ни встретили, мог быть схвачен. Поэтому как только его царское величество узнал от посланника, по этому делу отправленного в Швецию, что Тимошка захвачен в Нейштадте в Голштинии, как он тотчас же отправил к его княжеской светлости двух гонцов, одного за другим, с грамотою одинакового содержания.

Письмо его величества царя Московского к его светлости князю Шлезвиг-Голштинскому.

«Бога всемогущего, во всем все творящего и добрыми утешениями все народы охраняющего, в Светлой Троице возвеличенного и в единстве славимого Господа Бога нашего милостью, промыслом, мощью, силою и волею избранные соблюдать и содержать великую российскую державу, держа в руках скипетр истинной христианской веры, и охраняя другие увеличенные и вновь приобретенные государства, с помощью Божиею, в мире и без смятения, до века, – Мы великий государь, царь и великий князь Алексей Михайлович и пр. (с обычным полным титулом), державнейшему Фредерику, наследнику Норвежскому, герцогу Шлезвингскому, Голштинскому, Стормарнскому и Дитмарсенскому, графу Ольденбургскому и Дельменгорскому (объявляем) наш любезный привет.

В минувшем 1644 году – по московскому календарю 7152-м – обокрали нашу царского величества казну Тимошка Анкудинов да Костька Конюхов, которые от наказания смертной казнью бежали из земель нашего царского величества в Константинополь и там приняли мусульманство. Так как и там они совершили злые поступки, то они вновь бежали от наказания смертной казнью и прибыли в Польшу и Литву, вызвали смуту у государей, и находились в войске запорожских казаков у генерала Федота Хмельницкого, который обоих выше-названных наших воров и изменников, по приказанию великого государя Иоанна Казимира, нашего брата, короля польского, должен был схватить и передать посланным к нему короля польского дворянину Ермоличу и нашему дворянину Петру Протасьеву; по этому делу означенный Хмельницкий особо писал к нашему царскому величеству. Однако, воры и изменники наши бежали в Рим, затеяв у них смуту и переименовав имена свои. Один из них, Тимошка, назвал себя Шуйским, а в иных местах Sinensis'ом, Костька же выдавал себя за его слугу. Оба появились и в Шведском королевстве, где их узнали наши купцы из Новгорода и иных городов. После этого их схватили, именно Тимошку арестовал генерал в Ревеле, а Костьку генерал в Нарве, но оба генерала не хотели без указа великой королевы Шведской выдать нам обоих изменников. После этого мы писали к великой королеве чрез нашего дворянина NN, чтоб она приказала обоих выше-названных изменников передать нам, на это великая королева Шведская согласилась и генералу в Ревеле письмом своим указала, чтоб оба наши изменники были переданы дворянину нашему, когда он из Стокгольма прибывает в Ревель. Когда, однако, дворянин наш из Стокгольма прибыл в Ревель, то ему был передан только изменник Костька. Что же касается Тимошки, то он бежал из-под ареста, и пока наш дворянин находился в Ревеле, нигде не мог быть найден. Однако, позже он в Голштинии, в Нейштадте, был схвачен и брошен в темницу.

Поэтому мы и послали к вашей любви с нашего царского величества письмом посланника Василия Шпилькина с несколькими из наших подданных, чтобы вы указали передать ему означенного нашего изменника и переслать его нам.

(До сих пор первое письмо от 31-го октября 1652 г. и второе от 5-го января 1653 г. были слово в слово схожи одно с другим. В последнем далее прибавлено) Но в минувшем году в декабре месяце прибыл к нам Петр Микляев из Новгорода и доставил нашему царскому вели-

честву от ваших советников доказательство, что он с Иоганном фон-Гореном из Любека схватил означенного нашему величеству изменника в вашем городе Нейштадте, что ими принесена вам жалоба и сообщено о его воровстве, и что, в силу этого, вы приказали его доставить из вашего княжеского городла Нейштадта в Готторп и содержать под сильной стражей. Поэтому мы и посылаем с настоящим нашего царского величества письмом означенного Петра Микляева, чтобы вы, согласно с первым и настоящим нашим письмом, приказали передать выше означенного арестанта и нашего изменника нашим посланникам Шпилькину и Петру Микляеву и другим нашим подданным, и соизволили, через них, переслать его к нам, дабы изменник не бежал и не вызвал дальнейших беспокойства смуты. За то и наше царское величество, в свою очередь, окажем вашей любви всякую услугу, когда в этом будет необходимость.

Вор и изменник нашего царского величества по имени Тимошка – весьма низкого звания. Он сын простого торговца холстами, отца его зовут Демкою Анкудиновым из предместья Вологды, его мать- Соломонидкою, а сына, который еще жив, Сережкой. Означенный Тимошка служил в Москве в Новой четверти и обворовал нашу казну, убил свою жену и сжег ее в своем доме, вследствие чего сторели одновременно и дома многих других людей и многим нашим подданным нанесен был убыток. Поэтому он приговорен к смерти, бежал и находится в бегах до настоящего времени, вызвав во многих странах беспокойство.

Дано в нашей царского величества столице Москве 5-го января в год от сотворения мира 7161-й (от Р.Х.– 1653-й)»

Третье и последнее письмо к его княжеской светлости по тому же поводу было отослано 17-го октября того же года, после чего пленник был передан русским.

Один из посланников, доставивших эти письма и отвезшим пленника, был, как видно из этого письма и как уже сказано, (Василий) Григор (ьевич) Шпилькин, писец, бывший сотоварищ Тимошки в канцелярии «четверти», у которого Тимошка обманным образом выманил драгоценности его жены. Когда ему однажды было разрешено видеть пленника и разговаривать с ним в присутствии нескольких знатных придворных чинов, Тимошка важною походкою выступил к нему навстречу, представился, будто он его никогда не видал, не хотел даже говорить с ним по-русски, но требовал чтобы тот говорил с ним на сарматском языке (б), которого Шпилькин не знал. Когда Шпилькин спросил: «не он ли Тимошка Анкудинов, обокравший великокняжескую казну и совершивший другие злодейства?», он ответил: «Весьма возможно, что негодяй, по имени Тимошка Анкудинов, и обокрал казну великого князя (здесь говорят «обокрасть казну великого князя» не про кражу со взломом в самой казне, но про утайку денег, которые должны были идти в казну или принадлежали казне), но его лично это не касается, так как его имя Iohannes Szuensis, по-сарматски – Шуйский. В это время он не хотел сказать, что он сын великого князя Василия Ивановича Шуйского. Когда, однако, Шпилькин еще дольше с ним стал говорить и начал напоминать ему про прежнюю его жизнь, он начал смеяться над ним и ругать его: он говорил, что

не может признать его посланником, что он, как видно из его фамилии, очевидно, торговец шпильками.

Некоторое время спустя, по выраженному им же желанию, через придворного канцлера и советника, стали спрашивать Тимошку

о некоторых пунктах, а именно: «какого он происхождения и рода? Родственник ли он великому князю? Почему его великий князь преследует? Чем он мог бы вредить ему?», и Тимошка отвечал частью устно, частью в особой записке. Его собственные слова таковы: «Ведь уже слышали, что я Iohannes Szuensis, или по-сарматски Ян Шуйский, наречен в святом крещении Тимофеем. Я – сын Василия Доменициана Шуйского, который имеет свое фамильное имя от лежащего в Московии города Шуи и происходит из фамилии московской нации. Родился я и воспитывался в некоей части королевства Польского, в провинции Новгород-Северской, вотчинник я в Украине Северской, где у меня собственные имения «Великое Болото» близ

московитской границы. Нынешний великий князь мне вовсе не родственник, так как отец его только из дворян, мой же отец был из княжеского рода. Так как великий князь знает это, то он и преследует меня. Хан татарский, ныне воюющий с короною польскою, подстрекал меня враждебно напасть на московскую землю, но я, помня, что мои древние предки называли эту страну своим отечеством, из любви к ней, не сделал подобной попытки, то есть не пытался насилием ответить насилием. Я бы мог послать в землю великого князя 100 000 сабель, но Бог да хранит меня от подобного поступка и т.д.»

То же самое изложил он и в письме на имя патриарха. Первый московитский посланник, прибывший из Швеции, явившись к нему, стал с ним дружелюбно говорить и посоветовал ему обратиться с прошением на имя патриарха, имеющего большое влияние на великого князя и легко могущего своим заступничеством вновь вернуть ему милость; и сам посланник также обещал похлопотать. Шуйский, положившись было на слова этого русского, передал ему закрытое письмо на имя патриарха, в котором, между прочим, говорилось: «он родился русским и в крещении наречен Тимофеем (отсюда уменьшительное – Тимошка), его прельщали, чтобы он послал в страну 300 000 сабель, но ночью явился ему ангел, увещевавший его не предпринимать ничего подобного против собственного отечества и религии; он принял это к сердцу и хотел вновь в мире идти домой; недавно в Нейштадте ему снова можно было освободиться, но он не захотел этого сделать, чтобы иметь возможность представиться и с посланниками вновь вернуться в Москву».

Когда, однако, посланник вскрыл это письмо и прочел его в моем присутствии, Тимошка стал отрицать свою руку и сказал: «он ничего об этом не знает»; он показал другого рода почерк и ругал и поносил посланника так, что тот, не будучи в состоянии стерпеть, плюнул на письмо и бросил его ему в лицо. Тимошка тотчас же разорвал письмо на мелкие кусочки.

Своими непостоянными и переменчивыми речами и записками Тимошка достаточно ясно выказал, что он стоит на лживой основе. Иногда он говорил: «он – русский и сын великого князя Василия Ивановича», а в переданной записке он называл своего отца Василием Доминицианом. Между тем известно, что из трех братьев Шуйских – а других Шуйских тогда и не было в России – никто не назывался так. То опять он отрицал свое русское происхождение и писал в вышепомянутой записке: «Я могу доказать с очевидностью, что – хотя тело мое нестерпимыми муками и ослаблено – тем не менее ни из языка, ни из привычек, ни из состояния моего нельзя вывести, что я московит». Он не отпускал бороды, как другие русские. Во время долгих своих путешествий он изучил довольно сносно несколько языков, как-то латинский, итальянский, турецкий и немецкий, так что на каждом из них мог излагать свои мысли. Он умел так же писать по-русски разными почерками, меняя руку, смотря по тому, как это ему было выгодно. Грамоты, приходившие, ради него, от его царского величества к его княжеской светлости он старался представить подозрительными и старался в переданной им записке убедить нас, что эти грамоты вымышлены и фальшивы, так как они не подписаны ни его царским величеством, ни кем-либо из вельмож. «Богу и людям известно – говорил он – что каждое запечатанное письмо, подобно настоящему, лишённое подписи, не может иметь значения». Однако Тимошка ошибался, воображая, что мы не знаем канцелярских обыкновений русских. Ни одна из царских миссий или грамот к другим государям, даже никакие договоры не подписываются самим царем; считается достаточным, что они снабжены большой печатью. Бояре же и государственные советники, которые вели переговоры по данному делу, подписывают особую грамоту, относительно договоров и подкрепляют ее своими печатями, которые имеют то же значение, как если бы подпись была дана самим его царским величеством.

Когда Тимошка увидел, что хитрость и обман его разгаданы и что ему не удастся выговорить себе свободу, но что он будет, в конце концов, выдан русским, он из отчаяния думал сам себя лишиться жизни. Когда он на пути в Травемюнде, где его должны были посадить на судно, проезжал мимо Нейштадта, он нарочно выбросился из повозки, упал на голову и подвалился

под колесо, надеясь так покончить с собою, но так, как ехали по песку и телега сейчас же остановилась, то его невредимого снова посадили в телегу и стали еще старательнее сторожить. Позже на пути в Москву он придумывал разные средства, чтобы лишиться себя жизни; но так как это заметили, то эти средства были у него отняты прилежною охраною. В общем он был все время довольно весел, вплоть до приезда в Новгород; здесь он начал печалиться и уже от Новгорода до Москвы не желал ни есть, ни пить.

Как только прибыли с ним в Москву, его немедленно же отправили на пытку. Однако во время пытки и перед смертью своею он вел себя крайне упрямо: можно было предположить, что он поступает так, или желая, чтобы его сочли за сумасшедшего, или же знал, что все равно он будет казнен, сознается ли в правде или нет; из отчаяния он хотел скорее, чем сознаться, продолжать упорствовать в начатом и продолжавшемся им обмане и злодействе, чтобы иностранные государи его постоянством в речах были подкуплены в мыслях, которые он им хитроумно внушал. На совесть свою он обращал здесь столь же мало внимания, как раньше при принятии столь многих религий; вероятно он думал: «лучше бегом попасть в ад, чем идти туда шагом».

Когда ему на пытке, в присутствии отягченных для этой цели знатнейших государственных советников, были заданы вопросы о некоторых пунктах и он был допрошен, он сказал: «он не почитает никого, за исключением вельможи и боярина Никиты Ивановича Романова, достойным вести переговоры с ним» (а боярин тот был давно известен ему своей храбростью и добрым нравом). Пришлось, вследствие этого, двум из бояр отправиться к Никите и просить его зайти к нему. Тем временем Тимошка попросил пить, и когда ему принесли деревянную чашку с квасом или слабым пивом, он отказался от кваса и не хотел пить из деревянной чашки, требуя, чтобы ему дали испить меду из серебряного сосуда. Когда исполнили эту его просьбу, он поднес сосуд ко рту, но отпил лишь немного. Когда теперь боярин Никита с двумя другими боярами вошел к нему, он смиренно поклонился ему, но еще упорнее стал утверждать, что он сын царя Василия Ивановича Шуйского. Ему, однако, было сказано и доказано, что он сын Дементия Анкудинова, простого торговца холстом в Вологде, а вовсе не из великокняжеского рода Шуйских. Покойный великий князь Василий Иванович Шуйский вовсе не имел детей, а лишь двух братьев: князя Дмитрия Ивановича и Ивана Ивановича Шуйских, которые так же не оставили мужского потомства. Эти три брата, вместе с тогдашним патриархом Филаретом Никитичем были отправлены в Польшу в плен, как это указано выше. Старшие два брата умерли в Польше, третий же, по имени Иван Иванович, вместе с патриархом был отпущен на волю, прибыл в Москву и скончался лишь в правление нынешнего великого князя, немного лет тому назад. Было из этого рода еще одно лицо – именно брат их отца Василий Федорович, имеющий лишь одного сына, а именно князя Михаила Васильевича Скопина-Шуйского, который в то время, когда шведский полководец занял Великий Новгород, умер, так же не оставив наследников. Таким образом Тимошка не мог быть из рода Шуйских.

Во время пытки ему была представлена родная его мать, – ныне монахиня, она, горько плача, жаловалась на его несчастье и увещевала его отказаться от своего безумия, признать истину и умолять царя о милости. Тимошка печально смотрел на нее, но представился, будто не узнает ее. Ему дали очную ставку и с писцом Иваном Песковым, которому он накануне бегства доверил своего сына; одновременно с писцом показали ему и сына. Песков сурово напустился на Тимошку: «достаточно уже он пробавлялся ложью и обманом, вызвав и на него, Пескова, высокую его царского величества немилость и причинив ему сердечную скорбь; вспомнил бы он о Боге и признал правду; не его ли это сын, которого он, Песков, теперь к нему сажает?»

Следует однако знать, что сына этого Тимошка произвел на свет не с законной своею женою, а со служанкою. Тимошка посмотрел на обоих, поздоровался с Песковым, но больше не хотел говорить с ним ни слова. Хотя и приводили к нему для очной ставки многих прежних его добрых знакомых и друзей, бывших одновременно с ним писцами, хотя все они увещевали

его признать правду, все-таки он на все их речи, так как достаточно был уличен, отвечал молчанием. Его осмотрели и нашли, что он был обрезан. Его увели с места пытки и на другое утро опять привели сюда и допрашивали о некоторых пунктах. Он, однако, ни на один не пожелал отвечать. Тогда его с пытки перевели на большую площадь перед Кремлем, прочли о его преступлениях и объявили приговор о нем: его велено было изрубить на куски. Его сейчас же раздели, разложили на земле, отрубили топором сначала правую руку ниже локтя, затем левую ногу ниже колена, потом левую руку и правую ногу и мгновенно затем голову; казнь он перенес не выражая страданий. Отрубленные куски тела были насажены на пять поставленных стоймя кольев и стояли так до следующего дня; туловище осталось на земле между кольями и ночью было съедено собаками. На следующее утро оставшиеся кости туловища слугами палача были собраны, отрубленные куски вместе с кольями сложены в сани и все это за городом брошено в яму для падали.

Его бывший слуга Костыка должен был смотреть на казнь своего господина. Так как он во всем добровольно сознался, то ему была подарена жизнь, но за нарушение присяги его царскому величеству ему объявлен был такой приговор: ему надлежало отрубить три первых пальца на правой руке. Так как, однако, вера их, прежде всего, требует, чтобы они крестились и благословлялись правой рукой, то, по заступничеству патриарха, его помиловали: наказание было совершено над левой рукой. После этого он был сослан в дальний город в Сибири, где ему доставлены все средства для пропитания в течении всей его жизни.

В тот же день и тот же час, когда происходила казнь, польского посла или посланника, только что прибывшего в Москву, вели на аудиенцию и нарочно провели через место казни, чтобы он видел ее и мог сообщить, что лже-Шуйский, одно время находившийся в Польше, казнен.

Вот каков был на самом деле лже-Шуйский и какой он получил конец» (7).

2. Что скрыто в протоколах?

Олеарий написал огромный труд о России середины XVII века, в котором собрал и систематизировал сведения почти о всех сторонах жизни Московского государства: история, география, народонаселение, религия, быт, этнография, экономика, политика... Тимошка, как некое незаурядное явление тогдашней русской жизни, дающее представление о национальных чертах характера, вызвал его неподдельный интерес. И Олеарий включил в свою книгу рассказ о его удивительных похождениях. Многочисленные неточности, присутствующие в этом рассказе, вполне объяснимы: он описывал Тимошкину одиссею с чужих слов, но вряд ли кто был знаком с ней в полной мере. Даже пытка едва ли вырвала у самозванца полное признание о подлинных подробностях его бурной жизни.

Видимо этим, а так же некритическим отношением Олеария к собранному материалу, объясняются странные крайности в характере самозванца. С одной стороны он гуляка, гнусный обманщик, содомит, стремящийся только к удовлетворению своих порочных прихотей. С другой стороны – талантливый юноша, имеющий немалые способности, и сумевший реализовать их через усердную учебу и изучение иностранных языков. Но для этого нужна усидчивость, целеустремленность, постоянные занятия и трезвая голова. Совместимы ли в одном человеке столь противоположенные качества?

Вызывает серьезные вопросы и то, что московское правительство, в течение нескольких лет упорно и методично добиваясь от различных государств выдачи Акундинова, так и не смогло предъявить ему достаточно серьезных обвинений. Во многих официальных грамотах его обвиняли в том, что он «покрал многую царскую казну», но при допросе в Москве следствие об этом как будто забыло и интересовалось лишь происхождением Акундинова и тем, как опровергнуть его родство с Шуйскими.

Если он был всего лишь мелким мошенником, то наказание, учиненное ему, не соответствует тяжести его преступления. По русским уголовным нормам того времени, воры и должники осуждались на виселицу или же подвергались правезу, т.е. битью кнутом. Четвертовались исключительно государственные преступники за умыслы против властей и монархов.

Единственная его явная вина заключалась в том, что он называл себя князем Шуйским. Но было ли это большим преступлением, учитывая то, что он не поднимал мятежа, и у него не было многочисленных сторонников, готовых с оружием в руках отстаивать его права? Примерно в эти же годы другой самозванец, Иван Луба, польский подданный, выдавал себя за царевича Ивана, сына Лжедмитрия I и Марины Мнишек. По требованию царя Михаила Федоровича Польша выдала самозванца Москве, но он был отпущен с миром на родину после того, как признался в своем обмане (8).

Весьма странно воспринимается и то обстоятельство, что еще в 1650 году русское правительство, добываясь от Богдана Хмельницкого выдачи Акундинова, не считало его опасным государственным преступником. В царской грамоте, посланной гетману, по поводу самозванства говорилось следующее:

«И будет он Тимошка от того своего воровства отстанет и к нам, великому государю, вину свою принесет, только мы великий государь, не смотря на его непристойные враки, для его гетманова челобитья пожаловали, велели его принять, и он бы на нашу государскую милость был надежен и ехал в Путивль без всякого суждения» (9).

Но уже через год-полтора отношение к Акундинову резко изменилось. Русское правительство заняло непримиримую и враждебную позицию, и о прощении уже не могло идти и речи.

Стоит заметить, что одновременно с Акундиновым в Польше, в Крыму и Турции появлялись многие подозрительные личности, выдававшие себя за потомков русских царей. Но ни одного из них не преследовали с такой неумолимой настойчивостью, как Тимошку.

Можно ли все это объяснить некой непоследовательностью и противоречиями в действиях русского правительства?

Скорее всего, дело заключается в другом. Действия русского правительства были последовательными и целенаправленными, но «расспросные речи» Тимошки и протоколы его допросов вряд ли дошли до нас в полном виде. Олеарий упомянул о том, что Акундинова дополнительно допрашивали относительно «некоторых пунктов». Видимо, в этих пунктах и была заключена главная тайна и главное политическое преступление самозванца. Но, он не пожелал их раскрывать, унеся с собой в могилу и тайну своего происхождения, и тайну своих подлинных походов. Некоторые подробности их совместных походов мог раскрыть на следствии Константин Конюхов, товарищ Акундинова. Но протоколы его допроса исчезли из архивов.

Возможно ли теперь, хотя бы в малой степени, восстановить истинные детали жизни и деятельности этого загадочного самозванца? Я полагаю, что не на все, но на некоторые вопросы все же можно ответить.

3. Самозванец, его сословное происхождение и покровители

Соглашаясь с правительственной версией о том, что Тимошка был сыном незнатных родителей, невозможно не обратить внимания на одну примечательную деталь. Женой Акундинова была внучка архиепископа Вологодского Варлаама. Сведений об этом человеке сохранилось весьма мало, и мы не можем с уверенностью сказать, из какого сословия он происходил. Но, можно предположить, что архиепископ Вологодский и Великопермский был знатного дворянского (если не боярского) рода, чем и объясняется его высокий сан и быстрое продвижение по церковной иерархической лестнице (10). Примеров тому, что подобных высот в то время

на Руси достигали люди незнатные, практически нет. Один патриарх Никон сделал быструю карьеру, но здесь сказалося расположение к нем царя Алексея Михайловича.

Если Варлаам происходил из аристократов, то мог ли он породниться с человеком из «подлого звания»? Учитывая кастовую замкнутость тогдашнего высшего русского общества, учитывая сословные представления о чести, следует полностью отвергнуть возможность подобного брака.

В том случае, если Варлаам был все же более скромного происхождения, то все равно его поступок вызывает определенное недоумение в силу следующих причин. После смерти патриарха Филарета (1633), Варлаам был один из трех кандидатов на патриаршество. Следует сказать, что патриарх Филарет Никитич, отец царя Михаила Федоровича, практически правил Россией. Притом правил твердо и энергично. И кандидатов в его приемники, видимо, выбирали из людей, обладавших знаниями, благочестием, государственным умом, видя в них будущего соправителя и помощника в политических делах Михаила Федоровича. Пусть Варлаам и не был избран пастырем российской паствы, но от этого он не утратил своих высоких качеств, своего большого авторитета. Такой человек с легкостью мог найти для своей внучки мужа из знатной семьи. Но он предпочел, пусть и многообещающего, но скромного юношу из бедного сословия. За этим, внешне странным шагом архиепископа Варлаама скрывается, как мне кажется, нечто значительное – косвенное подтверждение некой тайны рождения Тимошки. Возможно, что Варлаам знал об этом юноше гораздо больше, чем прочие. Не исключено, что он мог быть в числе тех, кому, по словам Тимошки, «отец приказал беречь его тем людям, которые ему впрямь служили, и они его вскормили».

В 1645 году Варлаам покинул архиепископство и ушел на покой в Великоустюжский Михаило-Архангельский монастырь, архимандритом которого он был до занятия архиепископской кафедры. Не исключено, что это удаление было связано с розыском по делу Тимошки. Видимо, архиепископ Вологодский и Великопермский в свое время утаил от царских дьяков настолько важные сведения о своем воспитаннике, что это укрывательство сочли тяжким преступлением. Скончался Варлаам, как считают некоторые историки, в 1652 году, немного не дожив до ста лет.

Есть и другое подтверждение того, что в происхождении Тимошки есть некая тайна. Олеарий упомянул, что в Москве Акундинова принял Иван Патрикеев, дьяк приказа «Новой четверти». Слово «дьяк» уже в XVIII века утратило свой изначальный смысл и стало обозначать мелкого служащего, занимающего должность писца или канцелярского работника в различных судебных и прочих департаментах. Примерно в таком же смысле оно понимается и в наше время. Но в XV-XVII веке это понятие распространялось на более высокие должности: дьяки подчинялись лишь судьям, и вместе с ними стояли во главе государственных учреждений – приказов, которых в стране насчитывалось в то время только тридцать три. В некоторых случаях дьяки сами руководили приказами, и именно к таким относился приказ Новой чети. Если учитывать, что приказ – это современное министерство по своим функциональным обязанностям и полномочиям, то Иван Патрикеев был весьма высокопоставленным чиновником государственного аппарата: министром по контролю деятельности питейных заведений всей России и сбору налогов с них. Возможно, в обязанности приказа входил и контроль за винокурением. Следовательно, Патрикеев был министром одной из самых доходных отраслей государственной деятельности и весьма влиятельным человеком в государстве.

Для нас важен вопрос и о сословной принадлежности Ивана Патрикеева.

Он происходил из хорошо известного в XVII веке дьяческого (т.е. крупных государственных чиновников) рода, основателем которого был дьяк Большого Дворца Патрикей Насонов. Род этот дал стране несколько поколений управленцев, которые числились среди московских дворян. Хотя и считалось в то время, что приказная служба умаляет достоинство дворянина (в отличие от военной или дворцовой), но представители этого рода дослуживались и до думных

дьяков, или ближайших советников царя, что ставило их в один ряд с боярами. Были случаи, когда дьяки получали и окольниковство, и боярство, т.е. поднимались до аристократических верхов. В 1642 году Иван Патрикеев направляется в Данию в составе посольства, и это говорит о том, что он стал значительной фигурой среди государственной администрации.

Но нельзя полностью исключать и другую версию происхождения Патрикеевых. Они могли происходить и от знатного рода князей Патрикеевых, ведущих свое начало от великого князя Литовского Гедимины. Принято считать, что этот боярский род угас в начале XVI века, но существуют списки бояр 1706 года, где упоминаются носители этих фамилий. Мужские потомки этого же рода, имевшие индивидуальные прозвища, положили начало и другим княжеским фамилиям: Хованским, Щенятевым, Голицыным, Куракиным.

Таким образом, прямая мужская линия в этой фамилии вовсе не угасала. Поэтому не исключено, что покровитель Тимошки являлся представителем этого знатного княжеского рода, но обедневшего и утратившего свое былое значение из-за многочисленных опал и преследований во времена царствования Василия III и Ивана Грозного.

Но даже если и не принадлежал Иван Патрикеев к княжеской фамилии, а был всего лишь московским дворянином, занятие им важного государственного поста достаточно упрочило его положение. Едва ли бы такой человек обратил внимание на Акундинова и оказывал ему покровительство, если бы не особые качества или происхождение последнего.

4. Возможные родители Акундинова

По многим письмам и высказываниям самозванца чувствуется, что он и сам не был до конца осведомлен о своих родителях. Иногда он называет себя сыном царя Василия Шуйского, иногда внуком и даже сыном дочери Шуйского. Но царь Василий не оставил после себя детей. Может быть, его отец или мать были внебрачные дети царя?

Царь Борис Годунов запретил жениться Василию Шуйскому и его братьям, опасаясь их как возможных претендентов на престол, и желая таким способом пресечь ненавистный ему род. Женился Василий Иванович уже после того, как был избран царем, в 1608 году. Было ему уже под шестьдесят лет, и от этого позднего брака он имел двух дочерей, судьба которых неизвестна. Но значит ли это, что до своей женитьбы он жил в монашеском воздержании? Видимо, нет. Можно предположить, что его внебрачная дочь и была матерью Акундинова.

Сам Тимошка обходит этот вопрос молчанием в силу нескольких причин. Незаконно-рожденные дети на Руси никогда не признавались родителями и не могли претендовать на родство с ними. Не могли они претендовать и на фамилию и сословное положение. Поэтому, признай Тимошка незаконное происхождение своей матери или отца, он потерял бы и саму возможность серьезно заявлять о себе, как о князе Шуйском. Поэтому он всячески уклонялся от конкретного ответа на этот вопрос.

Умному и сообразительному Тимошке не составляло особого труда сочинить и твердо отстаивать одну определенную версию своего происхождения, и то, что он эту версию не сочинил, а высказывался несколько противоречиво, свидетельствует не столько о самозванстве, но и некоторой внутренней неуверенности. Возможно, что Тимошка и сам не знал всю правду о своих родителях. Родился он в годы смуты, когда в стране свирепствовали поляки, казаки, многочисленные самозванцы, уничтожавшие своих врагов и конкурентов. Поэтому дети Василия Ивановича Шуйского, ради сохранения своей жизни, должны были хранить строжайшее молчание. Опасно было открывать им свое имя и после воцарения царя Михаила – их сочли бы новыми соискателями престола и немедленно казнили бы. Мать Тимошки, по его словам, умерла рано, возможно, так и не открыв ему до конца тайну своего происхождения, и он впоследствии сам искал следы своего родства с Василием Ивановичем Шуйским.

Относительно сословного происхождения Акундинова можно высказать следующее соображение. В декабре 1640 года последовал царский указ о порядке приема в приказные служащие:

«Лета 7149 декабря в 7 день... Государь царь и великий князь Михайло Федорович всея Руси указал во все приказы послать памяти, чтобы поповых и дьяконовых детей и гостиных и суконных сотни торговых и черных посадских всяких и пашенных людей и их детей в подьячие не принимали» (11).

После этого указа началось отчисление разночинцев из государственных учреждений и замена их исключительно дворянами. Следовательно, если бы Акундинов был из семьи мелких торговцев, как это значилось в официальных грамотах о нем, то он неминуемо должен был уйти со службы. Но, поскольку он остался в подьячих, это значит, что он подтвердил свое, если и не аристократическое, то, по крайней мере, дворянское звание.

Находившийся в середине XVII века в Москве Иоганн де Родес, сын выходца из Брабанта, поверенный по торговым делам при шведском посольстве, пристально следил за политическими событиями в России. Проявил он интерес и к деятельности и похождениям Акундинова. В одном из своих донесений королеве Христине (от 11 декабря 1651 г.) он приводит слухи, которые ходили в Москве относительно происхождения самозванца:

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.